

Проф. И. И. СОЛОСИН

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНИЗМАХ В ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

~ поэма „Руслан и Людмила“ ~

Церковно-славянский язык является одним из могущественных факторов в образовании русского литературного языка.

Реформа литературного языка, начатая Ломоносовым и продолженная его преемниками в XVIII и XIX вв., отнюдь не состояла в «очистке» литературного языка от его церковно-славянских элементов, как иногда думают у нас. Ломоносов начал реформу под знаком гармонического сочетания двух основных стихий: внижней русской речи — церковно-славянской и русской. Он подчеркивал необходимость умелого, или, как он говорил, «старательного и осторожного употребления сродного нам языка славянского», как способного возвысить и обогатить наш язык новыми понятиями и новыми словами.

Теоретические положения свои Ломоносов закрепил различными и многочисленными заимствованиями, подчас почти дословными, из книг церковных¹.

Но ни Ломоносов, ни последующие писатели XVIII в. и даже XIX в. не ставили себе целью совершенно освободить русский язык от славянизмов. Да это разделение двух основных его стихий было бы для них делом не только трудным, но и невозможным, так как эти две стихии — церковно-славянская и русская — так сжились в нем за время многовековой его истории, так тесно сплелись, что не только в прошлом, но и теперь привычному слуху нашему многие слова и формы церковно-славянские кажутся совершенно русскими и только научный анализ языка позволяет, и то не всегда безошибочно, провести границы между этими стихиями.

В самом деле, можно сказать, что теперь многие из образованных русских людей, говорящих и пишущих литературным языком, часто и не подозревают, что такие слова, как *гражданин*, *храбрый*, *пленный*, *прелестный*, *увлекательный*, *тщательно*, *предварительно*, *могущий*, *про-*

¹ См. об этом нашу работу в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XVIII, вып. 3.

свещенный и т. п. в своей звуковой и формальной окраске восходят к церковно-славянскому языку. Оказывается, что и до настоящего времени в наш литературный язык сохранился «густой слой церковно-славянских элементов, несмотря на всю демократизацию этого языка, и многовековое влияние на него языка русского» (А. А. Шахматов — «Очерк современного русского литературного языка»).

Задача Ломоносова, Карамзина, Пушкина и других писателей XVIII и XIX вв., выковывавших русский литературный язык, состояла вовсе не в «очистке» русского языка от церковно-славянского, а в перемещении центра тяжести от церковно-славянского языка к русскому, в умелом использовании левшицкого материала церковно-славянского языка, в сближении письменного языка с живым разговорным, в привнесении в него элементов чисто народной речи и в регулировании естественного и неизбежного влияния на него иных языков.

Имея в виду такую сложность структуры литературного языка, надо признать, что вопрос о происхождении и составе русского литературного языка является одной из важнейших проблем русской филологии и что исследование этой проблемы начинается с выяснения взаимоотношений в нем двух стихий — церковно-славянской и русской.

С этой стороны огромный интерес должен представлять язык произведений Пушкина. У нас многие полагают, что церковно-славянизмы, в изобилии употреблявшиеся писателями XVIII и начала XIX вв., в языке Пушкина сходят на-нет, в особенности в произведениях его «зрелых лет» и что только в ранние годы у Пушкина часты славянизмы как известная дань классицизму. Однако это не так. Не только в произведениях лицейского периода, но и в последующих, мы находим обилие церковно-славянских элементов наравне с элементами народными. Но необыкновенное искусство выбора и расположения слов, удивительное чутье языка и вследствие этого умение вплетать эти славянизмы в русскую словесную канву делают для читателя почти незаметными, во всяком случае, несколько не режущими ухо, эти церковно-славянизмы. Укажу для примера на знаменитое стихотворение «Пророк». Здесь буквально в каждом стихе найдем слово или форму церковно-славянские; общий тон и колорит стихотворения «библейский»; здесь 16 стихов, расположенных почти все подряд, начинаются с союза *и*: *«И шестикрылый серафим... и их наполнил шум и звон: и внял я неба содроганье, и горный ангелов полет...»* и т. д. Однако это не только не тяготит читателя, но он точно не замечает этой стилистической особенности, — так она уместна здесь.

Эта «неприметность» церковно-славянизмов в языке Пушкина способна иногда ввести в заблуждение даже ученых специалистов, решающих утверждать, что язык Пушкина уже свободен или почти свободен от славянской стихии. Таковы, например, отзывы о поэме Пушкина «Руслан и Людмила». Предлагаемый ниже обзор языка этой поэмы, с точки зрения наличия в нем церковно-славянизмов, покажет нам, как обильно здесь пересыпан язык Пушкина церковно-славянскими словами и формами.

По замечанию Ф. Будде, «язык Пушкина в первую пору его литературной деятельности не отличается существенно от языка сов-

ременных его молодости писателей... Приблизительно до 1818 г. он остается на той же степени литературного развития, на которой мы видим язык Державина, Жуковского, Батюшкова»¹. По мнению проф. Будде, примерно с 1818 г. (?) язык Пушкина освобождается от элементов русской речи «классиков». Так как этими элементами речи классиков были, главным образом, церковно-славянизмы, то приходится сказать, что не только с 1818 г., но и значительно позже Пушкин не освободился от них, да и не стремился к этому. Доказательством может служить поэма «Руслан и Людмила», написанная в период 1817—1820 гг. и обильно пропитанная церковно-славянизмами.

К. Ф. Карский, говоря о церковно-славянском элементе в языке Пушкина, между прочим замечает, что «даже в самых начальных произведениях Пушкина, в которых он подражал Державину, процент церковно-славянских заимствований сравнительно не велик...» И дальше: «Так, например, в известной поэме 1817—1820 гг. «Руслан и Людмила» славянизмы, как дань прежней стилистике, еще встречаются нередко...» Затем приводятся примеры стихов поэмы, в которых имеется до десятка слов церковно-славянских.

Любопытен также отзыв Белинского об этой стороне поэмы Пушкина. Говоря о том, что «Руслан и Людмила» принадлежит к числу переходных пьес Пушкина, в которых Пушкин «является улучшенным, усовершенствованным Батюшковым», Белинский замечает, что «даже со стороны формы, как ни много она выше обветшалых форм прежней поэзии, есть звенья, соединяющие «Руслана и Людмилу» с прежней школой поэзии; мы разумеем здесь употребление слов: *брада*, *глаза* и произвольное употребление усеченных прилагательных, которых в поэме Пушкина найдется больше десятка»². Очевидно, все остальные элементы церковно-славянского языка Белинским или не воспринимались, как стихия иная, отличная от русского языка, или он высказал свое замечание о языке поэмы вскользь.

Утверждение В. Виноградова о том, что Пушкин до начала 20-х годов «боролся с церковно-книжной культурой речи» и лишь с 20-х годов перешел «от борьбы с церковно-славянизмами к признанию церковно-славянского языка живым структурным элементом русской литературной речи»³ в первой своей части, нам представляется необоснованным. Никакой борьбы не видно. Наоборот, с самого начала своей литературной деятельности Пушкин широко пользуется церковно-славянскими словами и выражениями, впоследствии все более внедряя их в свою литературную речь.

На фоне этих отзывов и замечаний выделение церковно-славянских элементов в языке «Руслана и Людмилы» представляется весьма интересным и убеждающим в том, что Пушкин в этом произведении охотно и свободно прибегал к различным элементам церковно-славянского языка.

¹ «Опыт грамматики языка Пушкина», СПб, 1904 (Сбор «Отделение русского языка Академии наук», т. XXXVII).

² Соч. Белинского, т. II, изд Поповой, СПб, 1907.

³ В. В. Виноградов — «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934, стр 197.

Попытаемся выделить все слова и формы, которые представляются нам несомненными церковно-славянизмами в языке поэмы.

При этом в числе форм церковно-славянских мы отмечаем у Пушкина и такие, как *прах*, *бранный*, *во мраке*, *храбрый*, *прекрасный*, *прелесть*, *сладостный*, *прелестный* и др., которые и в его время едва ли имели в живом русском языке соответствующие им полногласные формы. Но они по происхождению своему церковно-славянские и потому заслуживают быть отмеченными, так как задача наша — выявить в поэме Пушкина по возможности все слова и формы церковно-славянского происхождения, независимо от времени их «обрусения». Но и в этом отношении в таких, например, выражениях, как «*бранный* звук булата»..., «склонив *главу* уныло»..., «*предстал* отшельник перед ним» и т. п., славянизмы по положению их в фразе, являются несомненно принадлежностью «высокого стиля».

Учитывая все это, мы получаем следующую картину.

1. Слова, в которых находим церковно-славянские сочетания: *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-*, на месте русских *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-*, *-ело-*.

Эти неполногласные формы — наиболее распространенная особенность русского литературного языка, унаследованная им от старославянского. Нужно сказать, что Пушкин употребляет и параллельные им русские (полногласные) формы, но реже. Вот перечень тех и других в стихах поэмы.

1) *-ра-*, *-оро-*:

Храбро Руслана (59)¹, *брада* седая (62), *бранный* звук булата (64), на *браде* моей седой (64), соперники в искусстве *брани* (66), *бразды* стальные закусил (67), взрывая в небу черный *прах* (72). Слово «прах» не редкое у Пушкина: в этом же смысле (земля): *прах* роют и в кюветы шипят («Полтава») (ср. русскую форму в «Слове о полку Игореве»: «*пороси* поля покрывают...», истлел мой *прах* непогребенный (78)). В этом же смысле (тело) и в других произведениях Пушкина: мой примет охладельный *прах*, душа в заветной лире мой *прах* переживает. Сей благодатной *бородой* (74), всех удавлю вас *бородой* (74), ее пугала *борода*, заниматься *бородой*, в его чудесной *бороде* (73), доколе *борода* цела (78), мне *бороду* мою отрубит (78), за *бороду* хватает (84), на *бороде* герой висит (84), за *бороду* злодея (84), а быть тебе без *бороды* (84), завидя шлем *брадатый* (84), на шлеме вьется *борода* (94), уж видит златоверхий *град* (91), молва по *граду* полетела (92), *градская* площадь захпела (92), но по *граду* (94), во *граде* трубы загремили (94), сидит за *бранными* столами (89), их *бранный* сон (94), один средь *храмин* горделивых (85), (ср. «Зане Владыка... во *храмине* тогда не находился» — «Борис Годунов»), во *мраке* старой жизни вяну (62).

2) *-ре-*, *-ере-*:

¹ Цифры указывают страницу в полном собрании сочинений А. С. Пушкина. М., 1899.

И тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных (59), и прерывающийся ропот (61), берег отлогий (62), пред витязем пещера (62), лампада перед ним (62), прелестной пленницы своей (62), (ср. в былинах: бабий переселенник, девичий прелестник), лишь прелести свои любя (64), берегам крутым (68), прелестна прелестью небрежной (71), с берега бросает (72), предал себя в печали (79), склоняясь ко древу головой (82), престал платить безумству дани (88), из рук прелестной цитереи (83), рыбаки и витязь на брегах (89), плывет к лесистым берегам (88), челнок ко брегу приплывает (88), дремучий берег стережет (92), предстал отшельник перед ним (92), прервали духи дивный сон (92), и там она тебе предстанет (93), пред умирающим огнем (62), прелестные полунагие (80).

3) -ла-, -оло-:

В часы досугов золотых (59), золотая цепь (59), над золотом чахнет (59), искать опасностей и злата (64), кораллы, злато и жемчуг (64), кругом курильницы золотые (69), золотую косу зашла (69), покрылись кудри золотые (69), и золотые апельсины (70), невольно кудри золотые (74), и всходит месяц золотой (75), над ярко-позлащенным бором (79), главы косматой лоб златится (82), не машет гривой золотой (91), позлащенные плоды (82), уж видит златоверхий град (91), но вдруг раздался глас приятный (60), старухи голос гробовой (67), и голос оскорбленной чести (74), и степь ударом оласилась (47) (ср. рус. *голосить*), ее приятный голосок (82), знакомый слышит глас (86), Руслан сим гласом оживленный (86), знакомый глас (89), и голос вещего баяна (90), безгласен рог (91), гласы трубны (92), на голос боя (94), в устах отерых замер глас (95), три витязя молодые (70), молодой казарский хан (60), в мечтах надежды молодой (65), неверной младости утрага (65), младому другу (66), о молодой княжне (68), и грудь и плечи молодые (69), молодой Ратмир (79), уж поздно, путник молодой (70) припев девы, зовущей Ратмира в замок, повторяется 5 раз), девицам молодым (79), хан молодой (80), девы молодые (80), русалка молодая (72), и славит сладостный певец (60), сладостный вкушает сон (82), трепеща хладною рукой, и в гордом сердце девы хладной (64), и хладным страхом пораженный (68), хладуют перси (71), на хладные перси приняла (72), уж утро хладное сияло (73), поднялся ветер хладный (79), хладною струей (82), хладным языком (87), крепко хладный сон (91), хладными крылами (89), смертный хлад объемлет (90), дай голову с тебя сорвать (67), с понижшею главою (67) еще глава не пала с плеч (68), и для главы твоей бесславной (73), молчи пустая голова (77), склонив главу (77), а глава ему во след (77), на князя голова глядела (77), понижнув головой (77), и запаталась голова (77), и к голове бежит (77), главы молящий стон (77), со вздохом голова сказала (77), под богатырской головою (82), главы косматой лоб златит (82), склоняясь ко древу головой (82), и утомленною главою (89), склонив главу уныло (90), понижнув гордой головой (91), везде главы слетают с плеч (94), тел... безглавых (94), Кавказа гордые главы (92), доволь вла-

сов ее седых (74), невольню *волосы* густые (74), темнокудрявые *власы* (80), *власы* небрежно распущены (88), седые вяжет *волоса* (84).

4) -*ле-*, -*еле-*, -*оло-*, *ело*:

Пленяет грозного царя (59), все *пленяет* в ней (88), мерный *илеж* (62) (ср. «На ветви вешает кругом... щит, барку, панцырь и шелом» — «Кавказский пленник»), *прелестной пленницы* своей (62), меня *влекла* моя судьбина (63), на дно со смехом *увлекла* (72), Людмилы *пленной* (80).

II. Старославянское сочетание *жд* на месте русского *ж*:

Малые *надежды* (60), к седлу *прилевождены* (72), но *между* тем (82), Киев *осажденный* (93). В большинстве случаев вместо «между» в поэме находим *меж*: *меж* подруг (63), *меж* собой (66), *меж* тем Руслан (68), *меж* тем незримая (69), *меж* нами (78), *меж* дерев (79), *меж* тем по замку (82), *меж* тем по долам (86), *меж* врагами (94).

III. Церковно-славянское *щ* на месте русского *ч* (из *tj* или *kt*):

Перед витезем *пещера* (62), в *пещере* свет (62), под *дремлющие* своды (62), *полнощных* обладатель гор (62), *грядущих* дней (62), луна — *царица ночи* (71), на темени *полнощных* гор (73).

IV. Как церковно-славянизм выделяем также и *Е* под ударением перед твердой согласной:

В стране, людьми *забвенной*, мой прах *непогребенный*, в сей край *удиненный* (78), нежданым счастьем *упоенный*, подруги верной, *незабвенной* (86), рыбаки на весла *наклоненный* плывет, к порогу хижины *смиренной* (88), *меж* тем Найной *осененный*, с Людмилой, тихо *усыпленной* (91), летит надеждой *окрыленный*, народ восторгом *упоенный* (94), жестокой страстью *увлеченный* (94), досадой, злобой *омраченный* (83). Любопытным представляется случай: запутался, упал и *бьется*, арапов черный рой *мятется* (72).

V. Слова с приставками (или предложениями) *во-*, *воз-*, (*вос-*), *со-*, *ко-*, где *о* на месте исчезнувшего *ь*. Слова эти также можно отнести к позднейшим церковно-славянизмам, которые, вероятно, отражают церковно-славянское произношение *з*, близкое к *о*, идущее от древней эпохи. Впрочем, это объяснение в известных случаях было свойственно и древнерусскому языку.

Вопрошает мрак немой (61), «Где, где?»—Людмила *впрошает* (6), *возненавидит* и тебя (66), *восстав* от сна (79), *ко* древу головой (82), *восстанет* от очарованного сна (86), типина *воцарилась* (88), и шум на стогах *восстанет* (91), *восстали* печенеги (92), *во* след (77), *во* граде (94), *со* вздохом (66), там *совершилось* дело славное (91), *совершив* с Рогдаем бой (75), день *восстал* (92).

VI. Церковно-славянизмами являются также некоторые формы слова с корнем: *ја*

Кружит, *подъемлет* на дыбы (69), *объемлет* сердце колдуна (66) (ср. у Державина: *объемлет*, виждет, сохраняет), *объята* (69), *подъемлют* ароматный пар (69), *подъяв* величественно шею (72), *подъемлет*, держит над собой (72), боязнь *объемлет* Черномора (84), *внемлет* Чер-

юмор (84), ухо не *внемлет* (85), внезапный хлад *объемлет* (85), смертный хлад *объемлет* (90), *подземля* черный прах (92), *подземлет* руки (93), *объемлет* ужас (94), *пооъемлет* взор (84), с *подъятой* булавой (84), сон *объял* (83), *примля* супружеский венец (83).

§ VII. К славянизмам же, вслед за Шахматовым, мы относим и причастия страдательные на *-нный*:

Услышан (64), *пораженный* (68), *распущенны* (88), *забвенный* (78), *непогрешенный* (78), *уязвленный* (83), *омраченный* (83), *упоенный* (86, 93, 94), *незабвенный* (86), *наклоненный* (88), *обнаженны* (88), *осененный* (91), *усыпленный* (91), *пробужденный* (93), *осажденный* (93), *окрыленный* (93), *занесенный* (69).

Должно, однако, оговориться, что причастные формы на *-нный* уже в эпоху Пушкина были единственно возможные, так как собственно русские формы на *-ный* по значению не причастия, а прилагательные: *печеный*, *топленый*, *ученый* и т. п. Но следует иметь в виду, что Пушкин свободно и охотно употребляет славянизмы как имеющие соответствия в русском языке, так и не имеющие таковых. Владея изумительно богатой и красочной лексикой, поэт, конечно, мог бы при желании заменить словами русского языка те славянизмы, которые не имели тождественных соответствий в русском, например, неполногласные формы в роде *бранный*, *прелесть*, *прекрасный* и др., о чем говорилось выше. Но он этого не делает, он не стремится к семантической замене. А это значит, что и эти славянизмы органически входят в язык поэта, составляют неотъемлемую часть его словаря. На этом основании они включаются здесь в общий ряд церковно-славянизмов в данном произведении Пушкина.

VIII. К категории славянизмов должны быть отнесены:

а) Краткие причастия и прилагательные: *безгласен* (91), *безмолвны* (60), *благовонных* (70), *вещий* (89), *благодатный* (63), *неведомой* судьбы (62), *неведомая* сила (71), сей *благодатный* (74), хижины *смиренной* (88), на *неведомых* дорожках (59), *бездыханна* (81).

б) Наречия: *дныне*, *отныне* (62).

в) Глагольные формы: поведаю (59), *процвел* красою (92) (ср. *процвела* есть пустыня, яко *крин*), *приник* (92), *почила* (71, 88), *почивать* (71), *мятется* (72), *мертвить* (61), *зрит* (62), *разит* (77), *лобзает* (69), *лобзая* (72), *озирая* (67), *трепеща* (61), *рыдая* (71).

IX. Отметим также в поэме ряд отдельных церковно-славянских слов:

Брашна (60), *взор* (62, 71, 94), *десница* (77), *зерцалом* (70), *козны* (89), *жуца* (64), *лаичны* (80), *лобанье* (80) (тут же *пощелуй*), *ложе* (81), *небеса* (65), *огонь* (72, 87), *на одре* (92), *отчим* (91), *очи* (60, 65, 76, 77, 94), *в нажитях* (91), *перси* (72), *перст* (71, 91), *песнь* (79), *пестун* (79), *премудростью* (65), *в ризе* (74), *сим* (86), *сей* (78, 79), *соым* (94), *стенанья* (94), *стоigny* (91, 94), *к устам* (71), *фишмам* (71).

X. Наконец, можно указать в поэме ряд стихов и отдельных выражений, своим построением, лексическим материалом и общим колоритом близких к языку церковно-славянскому. Например:

Что же *зрит*? В пещере *старец*... Спокойный *взор*, *брада* седая;

лампада *перед* ним горит (62). Мой отец... Позволь мне сердце освежить твоей беседою святой (63). С.... прустным *умилением* великий князь *благословением дарует юную чету* (60). С ужасным *пламенным челом* (61), светлеет мир его *очам* (62), *восстав* от сна (79), *пестун и хранитель* (78), непорочных дев (79), меня к *отмщению* зовет (74) (ср. «*мне отмщение*»...), *снискал заступника в святом* (79), *во сто крат...* (88), *тигланьы, гусжи* (92).

Если мы обратимся к лирике Пушкина этого периода (1817—1820), то и здесь, несмотря на разность жанров, мы увидим то же самое обилие славянизмов, причем поэт свободно, как бы безразлично, по воле поэтического вкуса, употребляет в одном и том же стихотворении славянские формы в перемежку с русскими. Так мы находим у него: и «отрадный *глас*» и «*голос мой*» («Деревня»); и «с молчаньем *младным* укоризны» и «*холодной истины забот*»; и «*младость* не приходит вновь» и «*будь молод* в юности твоей» («Стансы Толстому»), и *берег отдаленный* и «к *берегам печальным*» («Погасло дневное светило») и т. п. И, конечно, ни о какой «борьбе» Пушкина со славянизмами говорить не приходится. При кажущемся безразличием в употреблении Пушкиным славянизмов и параллельных форм содержание стихотворения, тематика его обуславливают характер его стиля, степень насыщенности его церковно-славянскими словами и формами. Вспомним высказывание А. М. Горького: «Когда тема стихотворения требовала каких-то особенных железных слов, он (Пушкин) не стеснялся брать их из славянского языка» (М. Горький — «О Пушкине». «Известия» от 24 сентября 1936 г.).

Среди лирических произведений Пушкина этого периода нет ни одного совершенно свободного от славянизмов. В той или иной степени они являются принадлежностью его поэтического языка. А столь частые в поэме «Руслан и Людмила» слова, как *глаза, злато, младость, власы, очи, уста, лобзаные, ланиты, взор, персты* и т. п., постоянны и в лирике Пушкина.

Таким образом, мы видим, что язык Пушкина в период создания «Руслана и Людмилы», не только не «освободился» от церковно-славянизмов, а, наоборот, обогатился ими. Поэма «Руслан и Людмила» насыщена церковно-славянизмами. В ней нет почти стиха, где бы так или иначе в звуковом, формальном или лексическом материале не отражалась церковно-славянская стихия. Между тем, «Руслан и Людмила» по содержанию не принадлежит к таким произведениям, в которых по правилам господствовавшей теории надо было бы непременно стремиться к употреблению слов «высокого стиля». Это — поэтическая сказка, по признанию самого поэта, «времен минувших неблиц», «труд иривый», в котором поэт не обязан был строго держаться правил господствующей теории. И, если церковно-славянизмы мы в таком обилии встречаем в этой поэме, то не доказывает ли это, что церковно-славянизмы стали уже во времена Пушкина существенной принадлежностью русского литературного языка, а не только произведений определенного поэтического рода и что такое употребление их Пушкиным укрепляло применение их в сфере русского языка, сообщало им право гражданства и обогащало литературный язык. С этой стороны любопытно отношение Пушкина к церковно-славян-

ским формам. Он намеренно пересыпает их формами русскими, употребляя те и другие как бы безразлично. Из анализа форм церковно-славянских и соответствующих им русских мы приходим к выводу, что в значительном большинстве случаев церковно-славянские формы преобладают. И это, нам кажется, подтверждает мысль о том, что, перешедшая церковно-славянские формы с русскими, Пушкин таким употреблением славянизмов внедрял их в русский литературный язык и расширял сферу их применения в нем.

Но влияние Пушкина на выработку литературного языка состояло конечно, не только в чрезвычайно искусном сочетании двух стихий — церковно-славянской и русской и в их взаимном дополнении друг друга, но и в привлечении в литературный язык наравне со словами «высокого стиля» и слов чисто русских, народных. Но в задачу нашей статьи не входило освещение этой стороны языка поэмы «Руслан и Людмила».

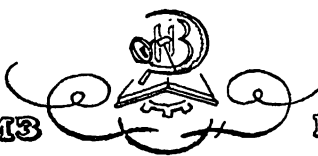
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. К. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7